

ВСЕ ЗЕМНОЕ ПРОХОДИТ...

После смерти жены Христианы господин Гете почти каждое лето проводил на светском курорте Карлсбад. В разгар сезона здесь собирался весь европейский бомонд.

О, этот вождь денный богемский рай с его живописными холмами и живительными источниками, где, кажется, сам воздух заражен восторгом и искушением и где даже почтенные августейшие особы, забывая о возрасте и величии, смело ступали на путь рискованных любовных приключений!

Министр, друг и неизменный спутник великого герцога Саксен-Веймарского Карла-Августа, действительный тайный советник Иоганн Вольфганг Гете тоже полной чашей черпал здесь радости жизни. Прославленный поэт, писатель, ученый, мыслитель, он в то же время был истинно светским человеком — интереснейшим собеседником, отличным танцором, галантным кавалером.

Его внешность являла образ прекрасной старости. Статная фигура, тронутые седойной кудри над благородным лбом, орлиный профиль, огненные черные глаза заставляли забывать о его годах и завораживали даже молодых и красивых женщин. Любая из них почитала за счастье обратить на себя внимание великого Гете. И он щедро одаривал своих поклонниц отнюдь не платонической нежностью.

В то время у европейской знати, облюбовавшей богемские курорты, вошло в моду начинать сезон в равнинном Мариенбаде, пленяющем вечно голубым небом, и завершать его в Карлсбаде, утонувшем в живописном ущелье. (Ныне это известные чешские курорты Карлови-Вари и Марианске-Лазне).

Впервые на отдых в Мариенбаде Гете, которому было уже за семьдесят, приехал летом 1821 года и оказался в одном пансионе с семейством Амалии фон Леветцов. Когда-то между Гете и юной Амалией было то, что сегодня именуется курортным романом, оставившим им самые приятные воспоминания. Гете отзывался о ней, как о блистательной звезде на горизонте своего прошлого. Госпожа фон Леветцов рано овдовела и теперь воспитывала трех молодых дочерей. Гете сразу стал добрым другом всего семейства.

Хотя Амалии в то время было всего 34 года, старый поэт предпринимательное внимание оказывал ее старшей дочери — 17-летней Ульрике. Девушка была чрезвычайно привлекательна: миловидное личико, огромные голубые глаза, грациозная фигурка. Гете взял на себя роль наставника, открывая своей прилежной ученице мир литературы, искусства, науки.

Следующим летом Гете снова в Мариенбаде. Он явно увлечен 18-летней Ульрикой. И не случайно в его стихах той поры звучат такие признания:

*Ночь не сулит мне ничего.
Дни тянутся в тоске
невыносимой.
Я жажду только одного:
Увидеться — хотя во сне
— с любимой.*

Никогда еще Гете не рвался в Мариенбад столь нетерпеливо, как летом 1823 года. В начале января он получил от Ульрики прелестное письмо. И хотя, не медля отвечая ей, Гете шуточно называл себя «любящим отцом своей верной, прекрасной дочери», он не скрывает, что ее вождь денный образ всколыхнул в нем не только отеческие чувства...

В Мариенбаде он снова неразлучен с семейством фон Леветцов. За минувший год Ульрика неотразимо похорошела, и Гете весь во власти любви. Ему кажется, что и девушка равнодушна. Ведь отвечает же она на его горячие поцелуи в редкие минуты уединения.

За долгие годы жизни Гете много раз увлекался и влюблялся, но это — не проходное чувство. По признанию самого поэта, пришла вторая молодость, а с нею воскресла и любовь — такая же страстная и мучительная, как полвека назад.

Тогда начинающий адвокат Иоганн Вольфганг Гете проходил стажировку в Высшем апелляционном суде Священной римской империи в Вецларе. И страстно влюбился в невесту своего приятеля Кестнера — Шарлотту Буфф. Благородный Кестнер предоставил Лотте полную свободу и право выбора. После долгих колебаний Лотта, которой Гете не был безразличен, предпочла все-таки верного Кестнера.

Гете был в отчаянии, он не представлял своей жизни без любимой. Вернувшись в родной Франкфурт, он забрасывает Кестнера письмами и требует от них ежедневного отчета о каждом шаге Лотты.

От мучительной страсти он

избавился только после того, как излил свои душевные переживания на бумаге, на одном дыхании написав роман в письмах «Страдания юного Вертера». Гете искренне поведаль в нем о своей несчастной любви к Шарлотте Буфф. Правда, сам он избежал трагического конца своего героя. Но в подобной ситуации покончил жизнь самоубийством его знакомый Иерусалем. Так что трагический финал романа не придуман — это потрясший Гете факт из действительности.

Успех «Страданий юного Вертера» оказался невероятным.

*Век. клуб. — 1996 —
Июль —
с. 3.*

ним. За короткий срок роман выдержал 16 изданий в Германии, еще больше — во Франции. Он был переведен на множество языков, включая китайский.

Даже такой далеко не сентиментальный человек, как Наполеон Бонапарт, при личной встрече с Гете в 1808 году в Эрфурте, где проходил съезд государей с приглашением европейских знаменитостей, признался, что печальную историю страдальца Вертера, ставшего жертвой несчастной любви, он перечитывал семь раз и не разлучался с этой книгой в военных походах.

Так мудрая судьба увела молодого Гете от тихого семейного счастья и направила на путь, который привел скромного адвоката к славе великого писателя и мыслителя.

И вот через пятьдесят лет Ульрика была такой желанной, что Гете не мог больше жить без ее чудных голубых глаз, свежих губ, нежных рук. И он решает: Ульрика должна стать его женой.

Великий герцог Карл-Август, которому он открыл свое намерение, не был ни удивлен, ни поражен. В аристократической среде такие неравные браки не столь уж редки. И скрепляются они, как правило, не только пылкостью чувств, но и трезвым материальным расчетом. Поэтому великий герцог, которому Гете доверил передать госпоже фон Леветцов предложение руки и сердца ее дочери Ульрике, говорил не только о нежных чувствах своего друга, но и заверил, что молодоженам будет подарен особняк, госпоже фон Леветцов предоставлено место при герцогском дворе, а Ульрике после кончины супруга — пожизненная пенсия.

Однако госпоже фон Леветцов эти посулы не пленили. Уклонившись от решительного отказа, она отвечала, что Ульрика еще слишком молода и не знает, что надобно ее сердцу. Необходимо подождать — хотя бы год.

Через несколько дней семейство фон Леветцов перебралось в Карлсбад, оставив потерпевшего поражение влюбленного поэта в полном смятении чувств. Душа его изранена, жизнь, как и полвека назад, потеряла смысл.

И тут судьба, словно сжалившись над ним, посылает ему чудо возродения. Оно является в образе молодой очаровательной женщины, с которой Гете познакомился во время одной

из своих печальных прогулок. Это польская пианистка Мария Шимановская, которая, начиная долгое турне по европейским странам, заглянула со своей сестрой Казимирой в Мариенбад, чтобы отдохнуть и набраться сил перед трудными гастролями. Она удивительно хороша собой — стройная, живая, необычайно естественная, с огромными черными глазами, которые придают ее миловидному лицу какое-то волшебное и трогательное детское выражение. В то же время она интересный, остроумный собеседник и действительно прекрасная пианистка. Гете готов бесконечно слушать ее виртуозную, проникновенную игру. Он чувствует, как отступают тоска и боль, как душа обретает спокойствие, а сердце — неумное сердце — новые надежды. Он пишет старому другу Цельтеру о своем возрождении, как о подлинном чуде, о неслыханной власти музыки над ним в эти дни.

Гете направляется вслед за семейством фон Леветцов в Карлсбад. И на прощание записывает в альбом Шимановской только что рожденные прекрасные стихи «Примирение». В них он выразил и страдания пережитой страсти, и возрождение, дарованное ему святой музыкой, которая поднимает душу из бессилия и переполняет ее вечной красотой. «И сердцу легче: кажется, что снова оно полно и жизни, и дышанья». И завершается послание Шимановской признанием волшебной власти двойного сча-

стья — звуков и любви. Гете расстается с прекрасной Марией — до новой встречи. Она дает обещание, что во время предстоящих гастролов по городам Германии непременно навестит его в Веймаре.

Гете приезжает в Карлсбад в канун своего 74-летия.

Мария Шимановская

Гете приезжает в Карлсбад в канун своего 74-летия.

День рождения он отмечает с семейством фон Леветцов в ресторане «У белого коня» в окрестностях курорта. Госпожа Амалия преподнесла ему роскошный торт и красивый бокал богемского стекла с выгравированными на нем инициалами трех сестер — Ульрики, Амалии — младшей и Берты. Ульрика приветлива, как и остальные, но не больше. Все вели себя так, словно ничего не было — ни признания, ни предложения.

В Карлсбаде на лужайке перед домом Гете поджидала большая толпа почитателей с оркестром. Но веселье поздравления не радовало старого поэта. В его сердце снова поселились печаль и тревога.

Вскоре он возвращается в Веймар. В пути, облегчая душу, рождается одна за другой строки его известной «Мариенбадской элегии». О чем она — понятно без лишней надежды любви.

А дома Гете ждал грандиозный скандал. Его 34-летнему сыну Августу и невестке Оттилии, уже имевшим двух сыновей, казалась нелепой перспектива оказаться в роли «детей» 19-летней «мамы». К тому же они увидели в ней возможную претендентку на имущественное и литературное наследство великого папы.

Розовую атмосферу разрядил приезд в конце октября Марии Шимановской и ее сестры Казимиры. 12 дней царил в доме музыка, благожелательность, веселье. Гете снова воспрянул духом, к нему вернулись радости жизни.

Веймарский мудрец увидел в Марии не только красивую женщину и талантливого пианистку — то, что на виду. Его увлекли ее ум, глубина души, обаяние ее личности. По его словам, он наслаждался самым прекрасным талантом и самым интересным обществом, какое только можно вообразить.

Когда уезжала Мария — навсегда, ибо больше им не суждено было встретиться, — сердце старого поэта разрывалось на части. Его давили тяжелые предчувствия. Он сознавал, что это — конец, что никогда больше ему не будут улыбаться молодость, счастье, любовь. И на несколько месяцев впал в глубокую депрессию.

А госпожа фон Леветцов писала ему приветливые письма и снова настойчиво пригласила в Мариенбад — и в 1824 году, и в 1825-м. Гете в ответ утivity благодарил, вздыхал о былых удовольствиях и заканчивал письма уклончиво: он в непространном колебании между желанием и надеждой... Но за оставшиеся ему девять лет жизни никогда больше в Мариенбаде не был, и даже когда семейство фон Леветцов однажды оказалось в Веймаре, от встречи с ним уклонился.

Естественно, что ни один биограф Гете не оставил без внимания последнее увлечение великого поэта. Отношение к нему разное: от восторженного (примечание: рассказ Юрия Нагибина «О ты, последняя любовь!») до сочувственно ироничного: так, Ирен Роллан в книге «Гете и Бетховен» именует поэта старцем, измученным гнетом страсти, и называет его последнюю любовь одним из признаков нервного возбуждения, которое изурядило его существо в то время.

И только благодаря Марии Шимановской Гете возродился и вновь обрел источник творчества. По мнению Роллана, Шимановская остается в пантеоне Гете богиней музыки, Орфеем, который усмирил демонов его сердца. «Да будь да благословенны ее пальцы и да святится ее имя!» — восторженно заключает Роллан

свое похвальное слово Шимановской.

Наверное, сама судьба уберегла поэта от того рокового шага, который отделяет великое от смешного. Ну только представьте себе будничную жизнь 74-летнего старика с 19-летней красоткой. Не исключено, что он вскоре обрел бы ветвистые рога, поскольку нравы в придворном кругу были не самыми строгими, и стал бы мишенью для насмешек. Да и отношения в семье при взбалмошном, вздорном характере и Августа, и Оттилии создавали бы отнюдь не творческую обстановку. К тому же пришлось бы постоянно занимать время и мысли заботами о юной жене, о ее нарядах и развлечениях. Уж тут не до творчества.

Сохранив свободу, Гете смог закончить многолетний титанический труд — вторую часть «Фауста» и просмотреть критическим оком и подготовить к плаванию через века грандиозный корабль своего огромного литературного наследия.

Последнюю точку в «Фаусте» Гете поставил в канун своего дня рождения — 28 августа 1831 года. И записал в дневнике: «Завершено главное дело жизни». Оставшиеся дни рассматривал как подарок судьбы. Ему уже ничего не было нужно — ни признания, ни почестей.

Чтобы избежать поздравлений, Гете накануне дня рождения, прихватив осиротевших внуков — тринадцатилетнего Вальтера и одиннадцатилетнего Вольфганга (сын Август умер годом раньше), уехал в горы, в Ильментау, где много-много лет назад на стене охотничьего домика он написал свои знаменитые «Горные вершины», которые мы знаем в прекрасном переводе Михаила Лермонтова:

*Горные вершины
Спят во тьме ночной.
Тихие долины
Полны свежей мглой.
Не пылит дорога,
Не шумят листья.
Подожди немного —
Отдохнешь и ты.*

Престарелый поэт предчувствовал, что эта пора пришла, что челн его жизни нагружен до краев и может опрокинуться в любой момент.

Гете наслаждался лесными долями, туманом, поднимавшимся из долин. Потом поднялся к известной горной хижине и обновил поблекший за полвека текст «Горных вершин».

Вернувшись в Ильментау, Гете поставил на стол и наполнил вином тот самый бокал богемского стекла с инициалами сестер фон Леветцов и в одиночестве отметил свой последний день рождения. Здесь же он написал прощальное письмо Амалии фон Леветцов. «Я ставлю перед собой этот бокал, напоминающий мне череду былых лет и воскрешающий в моем воображении прекраснейшие часы жизни».

Первого декабря 1831 года Гете, которому оставалось меньше четырех месяцев жизни, в беседе со своим секретарем Эккерманом снова вспомнил лето 1823 года, Ульрику, Марию... Но уже спокойно, отрешенно, без страстно — просто как конкретный пример в рассуждении о стихотворной трилогии, как материал для «трилогии любви», где строфы, посвященные обворожительной, игре Шимановской, образуют примиряющую развязку.

Те волнения и страсти остались в далеком прошлом, превратились в пепел. Теперь для него Ульрика, Мария и герой его романа юный Вертер слились в один поэтический образ.

Знал ли Гете, что Марии Шимановской уже нет в живых — она скоропостижно умерла минувшим летом в Петербурге?

А Ульрике фон Леветцов была суждена долгая и одинокая жизнь. Замуж она так и не вышла и скончалась в самый канун XX века в возрасте 95 лет.

Ким КАРПОВ.